

Г.А. Пономаренко

Детство
Октябрины
(рассказы)

г. Благовещенск
2009 г.

Содержание:

- *Страницы детства* 5стр.
- *Эхо войны* 7стр.
- *За земляникой* 8стр.
- *Шторм* 9стр.
- *Картошка с грибами* 10стр.
- *Первый концерт* 11стр.
- *Курилка* 14стр.
- *На охоте* 16стр.
- *Первый учитель* 17стр.
- *Подружкин подарок* 19стр.
- *Смерть Сталина* 21стр.
- *Мама заболела* 22стр.

К юности

*Вспоминаю звуки,
Что весну качали,
Сладостные муки
Сердце наполняли.*

*Звонкие капли
Ритмы отбивали,
в фа-мажоре трели
Птицы напевали.*

*И невольно в ноты
Звуки превращались
Мелодии природы
Вмиг преображались.*

*Что в волшебной чаще
Юности чудесной
Может быть прелестней
Радостней и краше?*

*Пусть же юность вечно
Путь нам освещает
В жизни быстротечной
Старости не знает*

СТРАНИЦЫ ДЕТСТВА

Когда мы выехали со станицы Куйбышевска-Восточная, что в Амурской области, где я родилась, на Украину, мне было два года. Село Синичено, куда мы приехали, было глухой деревушкой. Это была папина родина.

Шёл 1947 год. Во время войны пол деревни сожгли немцы. Народ, не имеющий дома, жил в землянках. Постройка хоть какого-либо жилья казалась большой роскошью. Не было денег, чтобы купить стройматериалы. Мы вначале жили в землянке. Со временем отец купил крошечный домик у одной бабушки, которая уехала к сыну в город. Пол был земляной, его приходилось время от времени мазать глиной, чтобы он был ровный и гладкий. Весь дом состоял из одной комнаты, половина её составляла печка. Периодически мама печку обмазывала глиной и белила. На родительской кровати мне отвели небольшое местечко, пока не сделали маленькую кровать. Матрасик был тоненький и спать было жёстко. В домике светило два крошечных оконца. В одно из них заглядывал соседский индюк, которого я боялась. Он распускал длинные красные «сопли», урчал и важно вышагивал по нашей завалинке. От страха я залезала под родительскую кровать. В сарае хрюкал тощий поросёнок, которого было нечем кормить. Помню, мама долго плакала, когда половину зарезанного поросёнка отец отнёс свой родне: дядьке, тётке, сестре. От них же никаких подарков я не помню. Один раз мы были с мамой у дядьки в гостях. Мне налили в маленькое блюдце немного мёду. У него была большая пассика, они жили с женой в большом деревянном доме. Из германии дядька Петро привёз много чемоданов добра. Так говорили на селе.

Мама хорошо шила и это было большим подспорьем в семье. Насобирали немного денег, и папа купил молодую тёлку. Но вскоре оказалось, что она яловая (бесплодная), давала всего два литра молока и была очень своенравная. Постоянно норовила залезть в чужой огород, пастух всегда родителям выговаривал. Пришлось корову продать. Продавал папа, и мама опять плакала, потому что он её продал за бесценок.

Как-то в доме не было даже кусочка хлеба, и мама предложила отцу наловить рыбы для продажи. Вдоль села протекала широкая в половодье река Донец. Летом она входила в берега. Ребятишки там рыбачили и подкармливали свои семьи. В реке было много рыбы и раков.

На рыбалку отец взял меня с собой. Усадил в лодку и дал удочку с коротким удилищем. На насаженный червяком крючок сразу поймалась рыбина и потянула леску вглубь реки. «Ибка, ибка», - закричала я радостно, когда отец подскочил к рыбине и вынул её из воды. Это был жирный голавль.

Мама забрала меня сонную домой, а отец рыбачил всю ночь. Он принёс много рыбы: и щучки, и сомики, ленок, окунь. Мама собралась с рыбой идти на базар на станцию. До станции было километра три. Рыба поместилась в две объёмные кошёлки. Скоропортящийся продукт нужно было донести как

можно быстрее, поэтому мама почти бежала. Сначала вдоль села, потом по тропке, затем по шпалам. Наконец, она добралась до станции, на которой был базарчик. Мама разложила рыбу на кучки и стала ждать покупателей. Торговцев торговало мало. Продавали семечки, раннюю вишню, солёное сало. Но вот на рынке появился милиционер. Зорко осмотрел прилавки, он сразу двинулся в сторону торговли рыбой. «Почём рыба?» - рыкнул милиционер. Услышав вполне безобидную цену, он пришёл в бешенство: «Спекулянтка! Я твою рыбу конфискую». Он яростно схватил две кошелки, сгрёб рыбу с прилавка и зашагал прочь. Мама от обиды окаменела. Соседка, наклонившись, прошептала: «Тебя не одну вот так обобрали».

Мы с папой ждали маму с базара. Было воскресенье, чудесный летний день. Я первой увидела маму и с нетерпением выбежала к ней навстречу. «Мамо, шо ты принесла?» - спросила я по-украински. «Ничего, доченька», - ответила мама по-русски и стала плакать. Мы вошли в дом, и мама рассказала, как её буквально ограбили. Она не успела продать ни одной рыбки. Папа спросил: «А какую цену ты запросила?». Когда мама ответила, он сказал: «Хорошая цена, несколько не шкурная», (так отец выразился), дело тут не в деньгах вовсе.

Вечером мама затеяла моё купание. Затопив печь, нагрела корыто воды, поставила его на припечек и посадила туда меня. Я была уже выкупана, когда мама подавала мне гребешок. Потянувшись за гребнем, я накренила корыто и упала на раскаленную плиту. Мама меня с ужасом подхватила, но ягодички успели прикоснуться к плите. Было очень больно. Утром меня на телеге отвезли в город, в больницу. Врач выписал какую-то чудодейственную мазь. Когда мама смазывала болячки мазью, я громко кричала. Спать приходилось только на животе. На кровати я спала с мамой, отец перебрался на пол, на шубу.

Примерно через месяц болячки зажили, но шрамы и пятна остались на всю жизнь. В бане подружки меня спрашивали, что за шрамы, всем было любопытно. «Так», - отвечала я, - память детства».

ЭХО ВОЙНЫ

По Украине война прошла с большой разрушительной силой: горели города, сёла, сады. В деревнях люди жили в землянках. Мы тоже вначале жили в землянке. Сплошь и рядом лежали неразорванные снаряды, бомбы. В лесах незахороненными лежали трупы немецких и русских солдат. Дети, подростки собирали гильзы, патроны и бросали их в кострища.

От одной взорванной в ближайшем лесочке бомбы в нашем крошечном домишке вылетели от взрывной волны окна. Такие игры приводили к жертвам. В огороде нашего двора, в большой яме, лежал неразорвавшийся снаряд. Я часто туда залезала: была в нём какая-то притягательная сила. Но однажды приехали солдаты-сапёры, снаряд из ямы вынули, погрузили на машину и куда-то отвезли взрывать.

Как-то отец взял подводу в колхозе, чтобы привести из леса хвороста, хоть немного запастись на зиму топлива. В деревне многие топили хворостом или кизьяками, это замешанные с соломой коровьи лепёшки, а затем высушенные. У нас коровы не было.

Родители, прихватив меня, поехали с утра в лес. Взяли топоры, веревки, гречневых лепёшек на обед (я гречку до сих пор терпеть не могу) да немного макухи, отходов от выжатых подсолнечных семечек, из которых отжимали масло.

Заехали дальше в лес и стали рубить хворост, а мне велели с воза не слезать, а то можно заблудиться, да и волков в лесу развелось. Я долго не усидела на возу, слезла и стала бродить по опавшим листьям. Отдельные предметы меня заинтересовали, но я не понимала, что это такое (мне было года четыре). Эти незнакомые предметы я укладывала на пеньки, которые были вокруг меня. Вот и родители подошли с хворостом и буквально онемели от увиденного: на пнях были сложены человеческие черепа и немецкие каски. Оказывается, мы попали на место бывшего военного сражения. Мама спросила: «Доченька, ты что делаешь?» - «цацки собираю», - ответила я по-украински. А «цацки» по местному – игрушки.

ЗА ЗЕМЛЯНИКОЙ

Мы семьей решили уезжать из села Синичено. Отец завербовался на Сахалин. Продали немудрящий домик с огородом и поросенком, получили подъемные. Мама работала на почте и должна была получить расчет, поэтому за земляникой мы пошли с папой вдвоем. Взяли под ягоду чайник, я положила себе в карман небольшой кусочек хлеба. Папа был в очень хорошем расположении духа: все тягости, горести и трудности сельской нищенской жизни позади, нам дали хорошие подъемные, пообещали большие заработки в сахалинской тайге. Физического труда отец никогда не боялся.

Взяв чайник, мы заперли свой уже проданный домишко и направились по дороге, а затем по тропинке в лес. Грело ласковое солнышко, на листьях деревьев яркими пятнами вспыхивали солнечные зайчики. Отец шагал не спеша, впереди, я вприпрыжку за ним. Вот и земляничная поляна. Мы стали собирать ягоду и быстро набрали полчайника. Ягоды было много, на веточках по 2-3 крупных бусинки. Собирали-то, в основном, отец, у меня как-то все больше в рот получалось. Вот папа отдалился от меня и скрылся за деревьями. Я же увлеклась вкусным «завтраком» и не заметила, как оказалась на другом конце поляны. Вдруг зашуршали кусты, я выпрямилась и увидела недалеко от себя огромную собаку, (для меня она была огромной, потому что я-то была маленькой). У собаки хвост был прижат между ногами, я почему-то на это сразу обратила внимание. А еще на то, какие злые были у неё глаза. Я вспомнила наших деревенских собак, которых я всех знала, а они знали меня и ни одна из них меня не трогала. Я вытащила из кармашка платяной кусочек хлеба и стала протягивать незнакомой собаке, приговаривая: «Собачка, собачка». Собака стала ко мне приближаться, втягивая носом запах хлеба. Она почти коснулась моей руки, когда послышался папин крик, обращенный к животному: «А ну, пошел вон!» От неожиданности собака отпрянула от меня, зло зарычала и скрылась в лесу. В три прыжка папа оказался возле меня, схватил меня на руки и крепко прижал к себе. Он тяжело дышал и все повторял: «Доченька моя!» Потом поставил меня на землю и говорит: «Это была не собака, а волк, он мог бы тебя задушить и унести в лес!» Вот тут я вспомнила дикий блеск глаз зверя и очень сильно испугалась. Уже и слезы были близко, но отец отвлек меня, показав полный чайник земляники: «Смотри, сколько ягод, вот мама вечером вареников наварит».

ШТОРМ

Когда отец из Украины завербовался на Сахалин, мне было пять лет. Поезд с вербованными формировался в Москве. Поезд был товарный, выезжали мы в самом начале лета, было тепло. Ехали очень долго, целый месяц, через всю страну. Помню полустанки, на которых поезд останавливался, народ высыпал из вагонов, чтобы что-нибудь купить поесть, справить нужду, запастись кипятком. А то останавливались в чистом поле - ждали встречного поезда или по какой другой причине. Стояли подолгу, тогда, прямо в поле, начиналось варево, жарили в сковородках на костре картошку. Деньги у всех были: выдали подъемные, некоторые мужики были навеселе, так как запаслись самогонкой из дома. Один такой «герой» все гонял свою жену. Я её хорошо запомнила: она всю дорогу ехала в красном платье, все плаката от стыда и от обиды. Остальные мужики, которые ехали в этом вагоне, ругали дебошира, а потом и вовсе пригрозили побить, когда он особенно разбушевался, разрезал ножом перину (единственная гордость жены), и пух летал по всему вагону.

Помню стоянку у озера Байкал, очень холодную воду в озере и камешки, которые хорошо были видны в чистой, прозрачной воде. Отец где-то купил омуля и мы его ели вместе с картошкой. Наконец, добрались до города Владивостока. Здесь нам предстояло купить билеты на пароход до Корсакова (это такой город на острове Сахалин). Ехать через море все очень боялись, и по этой причине родители меня решили окрестить в местной церкви. Нашли небольшую церквушку на Второй речке, поговорили с батюшкой, мама что-то заплатила за крещение. Отец выбрал крестных - супругов Большаковых.

Молодой прислужник взял меня на руки, мне намочили голову, подстригли челочку, все это сопровождалось какими-то молитвами. Потом дали мне съест просвиру и чайную ложку кагора, символизирующие тело и кровь Христа. Мне кагор понравился, я попросила еще ложечку. Батюшка улыбнулся, и мне дали еще. Затем на нитке завязали на шею крестик. Все окружающие меня расцеловали: и родители, и крестные, и знакомые. Теперь с легким сердцем родители пошли на пароход: подошло время отплытия.

И вот мы отплываем на железной машине в неизвестность. Я стояла у борта парохода и смотрела, как плывет рядом с нами медуза, зеленый парашютик. Потом она уплыла в глубину моря. Родители меня хватились и увели с собой в трюм. Там было много народу и очень душно. Началась качка. Есть к ичего не хотелось, а только постоянно хотелось пить. Вода в бачке была кипяченая и очень невкусная, жажду совсем не утоляла. Родители не разрешали выходить из трюма, но когда их совсем сморила морская болезнь, мне по железной лестнице удалось выбраться из трюма. На палубе творилось нечто невообразимое: огромные волны поднимались выше парохода и выплескивались сверху вниз, судно болтало из стороны в сторону, солнце спряталось где-то за тучи, был какой-то белесо-серый свет.

Всю эту картину я увидела, приоткрыв дверь, как один остановившийся кадр. В этой стихии было злое и страшное буйство. За пеленой воды слышались крики матросов. Внезапно огромный вал подхватил меня, как соломинку, и чуть ли не смыл в бурлящее море...

В одно мгновение сильные руки матроса поймали меня у самого борта. Это образ смелого, мужественного человека запомнился мне на всю жизнь, вед; в тот момент он совершил подвиг: спас ребенка от неминуемой гибели. Я наглоталась соленой воды и жутко перепугалась.

«Где твои родители?» - спросил сурово матрос сквозь шум ветра. - «В трюме», - ответила я. Держа меня на руках, он спустился в трюм. Там был полумрак, и я с трудом нашла родителей. Матрос растолкал их спящих и совершенно обессилевших от морской болезни. «Вы что не следите за своим ребенком, её чуть в море не унесло, сегодня шторм», - строго стал выговаривать матрос.

Нас болтало весь день и всю ночь, и только к утру море немного успокоилось. К нам подошел крестный Большаков поинтересоваться, как дела. «А меня чуть в море не унесло!» - похвасталась я. Когда родители рассказали, в чем дело было, Большаков в раздумье сказал: «Не зря, выходит, мь гбя, крестница, окрестили. Это Бог в облике матроса тебя спас». «А мы еще порадуемся на тебя, живи, моя доченька», - сказала сквозь улыбку и слезы мама, поправляя на моей шее крестик.

«Матроса поблагодарить надо. Тут спасибом не обойдетесь. Может, денег дать немного, - продолжил крестный, - Вы его хоть запомнили?»

Мы с отцом долго ходили по пароходу, но так и не нашли моего спасителя.

КАРТОШКА С ГРИБАМИ

Я была одна у родителей. Старший брат по отцу жил на Украине у родной тетки, папиной сестры. Первая его жена, мать Жени, умерла. Мне было скучно одной играть, и я убежала к многодетным семьям в гости. Такой семьей была семья Малышкиных. Сам Малышкин был маленького роста, но активный, деловой, работал бригадиром на лесоучастке, всегда аккуратный и веселый. У него было шестеро детей: старший был уже юноша, лет семнадцати, потом дочка лет пятнадцати. Младшему был годик, но он еще сосал материнскую грудь. Жена у дяди Гоши была высокая сухопарая женщина, особой красотой не блистала, но была хорошая хозяйка и очень любила своего мужа. Пришла я как-то к ним в гости, а они всей семьей завтракают. Было воскресенье, хозяин был тоже дома. Посредине стола стояла огромная сковородка, полная картошки с грибами. Я хотя дома поела, но от такого аромата у меня слюнки потекли. Меня за стол не пригласили: своих едоков хватало. Я это понимала, но все равно обиделась.

Так я и просидела, пока они не съели всю картошку. Тетя Пана за едой рассказала мне, что рано утром старшие дети пошли по грибы. Опят было навалом вокруг пней. Маленького Клима тетя Пана также усердно кормила картошкой с грибами, да еще и грудь дала, которую ребенок жадно начал сосать.

Я вежливо попрощалась и побежала домой. Дома мама стирала белье, а папа чистил коровник. Наша корова Зорька была настоящей кормилицей не только для нас, но и чужих. Полпоселка брали у нас молоко.

Я подбежала к маме и стала ей рассказывать, как меня не угостили картошкой с грибами. Мама меня внимательно выслушала и говорит: «Дочка, им самим мало, знаешь, какая у них семья большая. А мы с тобой завтра ходим по грибы и нажарим жаркое. Я тебя буду учить, как правильно опять собирать, а то можно и поганок нарвать».

На следующее утро, чуть только мама подоила корову, пришел дядя Гоша. Малышкины у нас молоко не брали, а только сыворотку на окрошку, но дядя Гоша в этот раз стал просить молока. Пока мама наливала ему молоко в трехлитровую банку, он ей рассказал, какое несчастье у них дома приключилось. Оказывается, вся семья отравилась грибами, целый день болели, пили марганцовку и травяные отвары, но ничего не помогает. Когда он ушел с молоком домой, мама мне сказала: «Вот видишь, и ты бы отравилась, если бы они тебя грибами угостили, а так Бог отвел». Вечером опять пришел дядя Гоша, теперь уже с просьбой к отцу. Он ему заказал маленький гробик для Климушки, он умер. Беседуя с отцом, он непрестанно утирал слезы с усов. До позднего вечера отец мастерил маленький гробик.

На похороны меня мама не пустила, а только горестно сказала: «Зачем Пана пацаненку еще и грудь дала, может, обошлось бы».

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Жила-была маленькая девочка по имени Октябрька. Это был тихий ребенок, живший миром сказок и звуков. Сказки обычно рассказывал отец, который ей казался мудрым, самым добрым. В доме был приемник «на питании» - почему-то так говорили (на больших батареях), это было время начала пятидесятых. Когда передавали что-нибудь музыкальное: оперу, оперетту, симфонию соло инструментов, то ребенок сидел почти не дыша рядом с приемником. Иногда было плохо слышно и тогда маленькое ушко прижималось к музыкальному источнику. Её можно было застать за странным занятием; она брала катушку ниток, натягивала нитку зубами и пальцем издавала звук, дергая за нитку. Как-то на Новый год пришла в гости компания с гармошкой. Октябрька весь вечер просидела рядом с гармонистом (дядей Володей), и уже совсем сонную её отнёс отец спать.

Наутро девочка обнаружила, что гармошку не забрали, Октябрьнка попыталась взять гармошку на руки, но она оказалась слишком тяжелой. Кое-как она перетащила её на кровать родителей и стала подбирать мелодию на правой стороне. Это была песня «Наш паровоз, вперед лети...».

Мама не обращала внимания на дочкины занятия, варила обед, доили корову. Налила дочке полную кружку парного молока, которое она очень любила.

Вечером пришел отец с работы, и пока он умывался под рукомойником, дочка стояла неподвижно в дверях комнаты и терпеливо ждала. Наконец, когда отец вытерся полотенцем Октябрьнка сказала: «Папа, хочешь я тебе на гармошке поиграю?» - «Ну поиграй», ответил отец улыбаясь и представляя, что это будет за игра.

Девочка, обрадовано побежала в комнату и заиграла: «Наш паровоз, вперед лети». Она играла очень точно и удивила отца. Кстати, у него самого был отличный слух и красивый голос, так что в компании он был незаменимый певец, пел второй голос, баритон.

А потом на кухне состоялся серьезный разговор. «Даша, - обратился отец к матери, - дочку учить музыке надо, видишь какой у неё хороший слух? У меня на работе бухгалтер Лидия Ивановна играет на аккордеоне и знает ноты. Попрошу её позаниматься с дочкой».

Лидия Ивановна, красивая, темноволосая, немного полноватая женщина, недавно приехала с матерью и маленькой дочкой из далекого Краснодара и работала бухгалтером на лесопункте в нашем поселке. Откуда народ узнал, что у неё был немецкий аккордеон, неизвестно, потому что она никогда и никому не играла на нём. Однажды мама повезла Октябрьнку в гости, а по сути на первый урок, к этой самой Лидии Ивановне. Комната в бараче, где жили Чернецкие, была не большой. Стены совершенно голые, печь дымила. Все обитатели комнаты были дома. Дочь Лидии Ивановны, Ираида, сразу подружилась с Октябрьнкой, стала показывать ей свои игрушки и книжки. Игрушек Октябрьнка сроду не видела, и поэтому заяц и кукла её поразили. Но вот Лидия Ивановна достала из футляра яркомалиновый небольшой аккордеон и немного поиграла на нём. Октябрьнку заворожил не столько вид инструмента, сколько его звук, такой певучий, с переливом. Учительница поняла, какое впечатление произвел на девочку инструмент и спросила: «Хочешь научиться на нем играть?». От счастья будущая ученица только закивала головой, у неё перехватило горло.

Самым трудным для девочки было изучение нот, вернее то, как их изучали методически совершенно неправильно – в отрыве от звучания. Не просто было запомнить слова: «между линейками», «под линейкой», «над линейкой», «на добавочной линейке».

Потом запоминание басового ключа. Иногда Октябрьнке казалось, что она никогда не выучит ноты, но вот подошло время играть то, что написано, и дело пошло быстрее. Даже соединение двух рук, которые должны играть по-разному, давалось ей легко.

Вскоре в поселке заговорили о том, что девочка Петровича играет на аккордеоне и даже лучше, чем сама Ираида (Лидия Ивановна свою дочку тоже учила играть на аккордеоне). Но была у Петровича проблема: дочке нежен собственный инструмент. Семья поехала в отпуск, и в Москве родители купили дочке замечательный аккордеон. Но это было позднее. А пока...приближался праздник – 7 Ноября. Готовился грандиозный концерт силами местной молодежи и тех, у кого были таланты. Вот и к Петровичу пришли два комсомольца-активиста с просьбой, чтобы Октябринка сыграла на концерте на аккордеоне попури из выученных ею песенок. Отец вначале не согласился: девочка совсем маленькая, всего-то семь лет, но жена сказала: «Нужно послушать, а потом уж решать». Октябринка пришла из школы (она училась в первом классе) и с порога перечислила полученные оценки: четыре, четыре, четыре. Отец и мама рассмеялись, затем отец сказал: «Вот и наша «четыре» пришла. Тебя тут на концерте приглашают выступить». Октябринка к предложению отнеслась очень серьезно и часто проигрывала свои песенки на инструменте, который отец принес от Лидии Ивановны.

И вот подошел день концерта. Мама на ножной машинке «Зингер», купленной на «толкучке» на соседней станции, сшила дочке юбочку в складку из сатина и розовую кофточку с длинными рукавами. На новые ботинки денег не хватило, обошлись старыми.

Вечером пошли всей семьей в клуб. Отец шел впереди с аккордеоном по тропинке между пнями, мама и «артистка» следом. Октябринка немного волновалась, хотя все песенки знала на зубок. Вот и клуб – длинный барак, посреди которого стояла печка – буржуйка. Сцена довольно просторная, даже танцорам было, где разгуляться. Зрители садились на длинные скамейки, было душно и накурено. Зал был полон. Отец провел Октябринку за кулисы, поставил к стенке аккордеон и куда-то отлучился. Октябринка огляделась. Вот отец ходит в волнении с бумажкой в руках, он выступает первый; вот будущие танцоры повторяют свои «па» (они танцевали вальс, у девушек юбки «солнце»).

За сценой стояло разбитое пианино без верхней и боковой крышки, многие клавиши выломаны. Октябринка несмело подошла к пианино и хотела потрогать клавиши, но ей не разрешил ведущий концерта, высокий симпатичный парень по фамилии Ревуцкий Валерка, комсомольский вожак. Он сказал Октябринке, что она выступает пятым номером. Но вот вернулся отец вместе с Лидией Ивановной. Она была нарядная и очень красивая, в туфлях «лодочка». Когда учительница наклонилась, чтобы поцеловать ребенка, от нее пахло духами. Потом она ушла. Концерт начался. Октябринке показалось, что все номера промчались мгновенно, и вот уже объявляют ее выход: «Поппури на темы песен и танцев, исполняет Донская Октябрина». Отец вынул из чехла аккордеон и помог одеть его на плечи дочери. Он поцеловал ее в туго заплетенные косички и отошел в сторону.

Октябринка с аккордеоном на плечах вышла из-за занавеса на сцену. Посреди сцены для нее стоял стул. Она села в полной тишине, немного

подумала и заиграла «Степь, да степь кругом». Полилась мелодия, трогая сердца этих простых людей, переживших войну, строивших новое будущее своей страны. Потом Октябрьнка сыграла танец «Крыжачок», который ей очень нравился, такой задорный и веселый. Затем еще песню и еще. Потом она задумалась: что еще сыграть? Зал напряженно ждал. Внезапно девочка решила, что она уже давно играет, наверное, хватит. Она махнула рукой, встала и пошла со сцены. Зал сначала грохнул от смеха, а затем стал аплодировать и аплодировал до тех пор, пока Октябрьнка не вышла и не поклонилась.

Уже поздно вечером семья шла вечером по тропинке домой. Внезапно девочка спросила: «Мама, а почему зал засмеялся?» - «А ты махнула рукой, как будто хотела сказать: хватит уже», - ответила, смеясь мама.

КУРИЛКА

Детство своё я провела на Сахалине. Мы жили в лесничем поселке под названием Кошевой. Из поселка тянулись две железнодорожных полосы: по одной, узкоколейной, ездили вагоны с местным производством лесопилки, по другой, настоящей, ездили поезда – товарные и пассажирские.

Вот на этой, главной железнодорожной полосе и случилась эта трагедия.

Мне как-то по случаю подарили щенка – беспородную дворняжку, девочку, пёстрой масти, уже довольно окрепшую. Она сразу привязалась ко мне, бегала за мной по пятам, лизала мне ноги, руки и даже лицо, если я наклоняюсь завязать шнурки от ботинок, которые почему-то без конца развязывались. Я всё не могла придумать как её назвать. «Назови её Курилка», - посоветовал мне один пожилой дядька, что с усердием тесал бревно для своего дома (семья пока что жила в бараке, полном клопов и крыс). Мне почему-то понравилась эта кличка для моей любимицы, и я вприпрыжку побежала по улице, заросшей по обочинам пыльной травой и кустарником, повторяя «Курилка, Курилка». Собака побежала за мной.

Мне не терпелось показать щенка своей подруге Ираиде. Она с бабушкой и мамой не так давно переехала в поселок с материка (так островитяне называли Большую Землю). Мама Ираиды работала бухгалтером у лесорубов, имела немецкий большой ярко-красный аккордеон, от которого я была в восхищении. Они купили небольшой дом с огородом, вначале тоже жили в бараке. Среди всеобщей бедноты, в которой мы все обитали в послевоенное время (начало пятидесятых), семья Чернецких казалась мне более благополучной. Итак, я прибежала к подруге в надежде похвастать своей живностью. Ираида была дома, и мы в восторге носились по двору, играя с собакой и пугая немногочисленных кур, которых довольно быстро заимели хозяева. Бабушка вышла на крыльцо и позвала нас обедать. Было воскресенье и мама Ираиды находилась дома. Поскольку я родом из простой крестьянской семьи и имела отдаленное представление об интеллигентном

воспитании, новые переселенцы начали меня исподтишка воспитывать; как вести себя за столом, ухаживать за собой и прочее. Бабушка сварила на обед суп с куриными потрошками, который мне показался необыкновенно вкусным и приготовила крохотные котлетки с картофельным пюре. Это был настоящий воскресный обед. Кое-что досталось и моей Курилке.

На следующий день с утра Ираида уже была у меня, но вот незадача: мой отец, уходя на работу, сказал маме, что собаку держат не для баловства, а для охраны дома. Её нужно привязать к будке, которую он пообещал сделать. Мама моя после замужества не работала, а управлялась по хозяйству. Она разводила кур, уток, копалась в огороде и приучала меня ко всем домашним хлопотам. Когда я проснулась, (летом мама разрешала мне немного дольше поспать) заплела косички по-городскому «корзиночкой», как меня научила Ираида, и выбежала во двор к своей Курилке. Мама вышла из сарая, где хрюкал купленный у кого-то тощий поросенок, и сказала: «Собаку не баловать, привязать пока у порога дома». Вот тут и появилась у калитки Ираида. Мы с ней обе расстроились такому повороту событий, но делать нечего. Попив чаю с кусковым сахаром, (тогда такой продавался – очень крепкий, не откусишь, отец его дробил ножом) и съев по одному утиному яйцу, мы с подружкой пошли гулять. Надо сказать, что наша семья: мама, папа и я, прожив в ужасном бараке, купили крошечный рубленый домик у небольшого озера (потому и завели уток), сразу за озером проходила железная дорога, и от проезжающих поездов наш домик, как живой, вздрагивал.

Мы пошли по шпалам, весело болтая. Вдруг раздался гудок паровоза мы увидели, что за нами бежала наша Курилка с оторванным поводком на шее. Мы сбежали с насыпи и стали отчаянно звать: «Курилка, Курилка...». Собачонка что есть силы бежала строго по железнодорожной полосе, не понимая, что можно перепрыгнуть линию и свернуть в сторону. И вот неумолимая махина совсем близко, и наконец, паровоз накрыл тело собаки. Мы с Ираидой в ужасе стояли на обочине и не могли дожждаться, когда же состав пронесется мимо. Наконец, последний вагон прогрохотал колесами и умчался вдаль. С каплей надежды мы с подружкой побежали к Курилке или к тому, что от неё осталось. Она лежала на шпалах, вся в крови, но ещё живая, тихонько поскуливая. Размазывая по щекам слёзы, мы ревели в голос, повторяя: «Курилка, Курилка». Взяв её на руки, мы снесли её вниз с насыпи и положили на полянку. Собачка скулить перестала. Ираида сказала: «Она умерла». Мы накрыли её ветками и пошли прочь. Дойдя до ручья, стали мыться от крови. Прошло несколько дней. Проходя злосчастное место по железной дороге, я решила проведать импровизированную могилку. Вот и знакомая полянка! Но что такое? Собаки нигде не было.

Прошло немного больше года. Ясным сентябрьским днём, в наглаженных ситцевых фартуках (мой фартук мне сшила мама). Мы с девочками возвращались со школы по шпалам в посёлок. Школа находилась на судоверфи, в четырёх километрах от посёлка. Ираида, толстенькая и вся

кудрявая (её кудри отливали медью), была на год меня младше и поэтому, естественно, я верховодила. Мы по тропинке уже подходили к её дому, когда я увидела в кустах живое существо. Это существо, жутко худое, лизало человеческий кал. Я заметила тощие оттянутые соски, что говорило о том, что это...да это же моя Курилка! Она не умерла! Я с трудом, но узнала её.

Задние лапы у неё были повреждены, она их волочила, когда убежала. Собака стала совершенно дикая, и меня не узнала, хотя я так нежно её звала: «Курилка, Курилка...». Огрызаясь, она скрылась за кустами. «А у неё щеночки есть!» сказала я подруге. Больше мы Курилку никогда не видели.

НА ОХОТЕ

Моего отца в посёлке все называли Петрович. Он недавно купил себе хорошее ружьё и собрался с другом на осеннюю охоту. Накануне он получил охотничий билет, поэтому готовится к охоте с особым удовольствием, так как чтит закон и во всём порядок.

Вечером он ещё раз разобрал ружьё, смазал его, любовно оглядывая каждую деталь. Набил патроны, уложил их в патронташ.

Мама собрала сумку мужу: положила буханку хлеба, банку тушёнки, кусок солёного сала, налила в бутылку молока. Ещё было темно, когда в окно постучал его товарищ, дядя Андрей Чаус. Они вышли на лесную тропинку, и пошли вдоль реки. Задало комарьё, пришлось остановиться и надеть самодельные накомарники. На горизонте чуть задрезбужило: всходило солнце. Свернули от реки в сторону, к болотцу, там залегли.

Вот в отдалении послышалась птичья возня, закрикала утка. Залетела стайка птиц, дядя Андрей выстрелил, одна упала в кочки. Прыгая с кочки на кочку, он добрался до добычи, спрятал её в сумку. Петрович, твой черёд», - зашептал дядя Андрей. Папа дожидался своего часа, вот и ему повезло, метким выстрелом он убил тоже жирненькую уточку. Было довольно тепло: на Сахалине осень благодатная, и друзья решили после лазанья по болоту немного отдохнуть. Заметили ярко-жёлтую медовую морошку, поели немного, остальную ягоду папа нарвал дочке (т.е. мне) на гостинец в кружку. Он даже с работы приходил с гостинцем (кусок хлеба или сахара) и говорил мне: «Это от зайчика». Я понимала, что никакого зайчика нет, но съедала всё с аппетитом, еда мне казалась особенно вкусной.

Отдохнув и перекусив, друзья пошли по тайге. Вышли к реке. Пожалели, что не захватили удочки. Лосось шёл на нерест. Не жадничая, охотники руками на мелководье выловили несколько штук домой. Переложили рыбу крапивой, чтобы не испортилась.

Когда выбрались на высокий берег реки, вечерело. На другом берегу увидели медведя. Он трудился на косе, ловил рыбу: дождётся, когда рыба подплывёт, хват её лапой и на берег.

Охотники долго наблюдали за его «рыбалкой». Свежую рыбу, медведь не ест. Зароет её в песок и ждёт когда протухнет. Папа и дядя Андрей решили разжечь костёр. Насобирали хворосту, нашли подходящее место и стали готовиться к ночлегу. Палатки у них не было. Сделали высокое ложе из еловых веток, разожгли костёр, пристроили на костре котелок, распотрошили две рыбины на уху, икру посолили в крышке от котелка, плотно поужинали и завалились отдыхать. Сквозь дрёму слышали хруст валежника. «Это медведь, что рыбачил», - негромко пробасил отец. Дядя Андрей схватился за ружьё. «Ты что! – испугался папа. У тебя же мелкокалиберка». Он выбрал из костра горящую ветку побольше и резко замахал ею перед зверем. Медведь взревел и отпрянул, затем зашагал по кустам, потом прочь. Медведь был молодой, но жирку уже накопил за лето.

Отец с медведями встречался и раньше. Он год работал на Севере Сахалина в колхозе у нивхов. Нивхи научили отца, как распознавать повадки медведя. Там медведей было много, только берегись. Дядю Андрея от страха пронесло, отца это развеселило.

Утром отправились домой. Дома мама распотрошила утку, повывинмала дробинки, сделала из утки два блюда: суп и жаркое. За ужином отец и рассказал, как они охотились. Я есть утку не стала, еда пахла не птицей, а рыбой. Зато морошка пришлась мне по вкусу.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мой день рождения в октябре, поэтому мама назвала меня Октябринка. В сентябре я пошла в школу, хотя мне ещё не исполнилось семь лет. Мама для книжек и тетрадок сшила тряпичную сумку, сложила туда школьные вещи, в пенал положила ручку с железным пёрышком и сбоку сумки пристроила чернильницу-непроливайку. Я была в новом ситцевом платье с пуговицами на спине. Ещё мама положила мне на завтрак кусок белого хлеба, который щедро намазала сливочным маслом, а сверху посыпала сахаром-песком.

Школа была далековато. Параллельно железной дороге, на небольшом расстоянии, была шоссеиная дорога, и школьники предпочитали ходить по ней: уставали шагать по шпалам.

На судоверфи, где находилась школа, была железнодорожная станция, магазин, почта, бараки, жилые дома и административное здание, которое называли поссовет.

Там же жила наша первая учительница, Елена Павловна. Школа находилась в длинном рубленном доме. Не помню сколько комнат там было, мы учились в две смены, занималось четыре класса. Старшие классы (с пятого по седьмой) находились в другом месте, в Чирине.

Когда мы с мамой дошли до школы, там уже было много детей и родителей. Мы с Валентиной Головиной зашли в класс и сели за первую

парту в третьем ряду. Пристроили свои тряпичные сумки с книгами и тетрадками, вынули заранее чернильницы, чтобы они не опрокинулись. После звонка в класс вошла учительница, строгая, красиво причёсанная, в тёмно-синем шерстяном сарафане под самое горло и в белой полосатой блузке. В ней было что-то надменное. Она сказала как её зовут и стала вызывать детей. Дошла очередь и до меня. «Как тебя зовут?» - строго спросила учительница. «Октябрина», - тихо и робко ответила я. «Октябрина?» - удивлённо подняла брови учительница. «Нужно говорить громче, когда тебя спрашивают», - недовольным голосом сказала Елена Павловна. С той минуты я стала её жутко бояться. А тут ещё Валентина зашептала на ухо: «Ты хочешь есть?». Мне есть совсем не хотелось, тем более после такого допроса. Валентина не стала ждать моего ответа и вынула из своей сумки огромный кусок хлеба с маслом. Я тоже, глядя на неё, вынула свой кусок хлеба, приготовленный мамой, и мы дружно начали жевать. Учительница беседовала с очередным ребёнком и вдруг увидела, что первая парта аппетитно ест. Негодованию её не было предела. Она стала долго объяснять, что для еды существует перемена. Мы с соседкой попрятали свои куски и замерли. Когда закончилось знакомство, учительница позвала в класс родителей, а нам разрешила погулять в школьном дворе, который был убогий, совершенно не ухоженный. В углу двора находилась уборная.

Дома мне крепко попало за то, что ела на уроке, не умею хорошо отвечать учительнице. После этого мне совсем расхотелось ходить в школу. Так прошла первая четверть. Оценки у меня были средние: «3», «4». Но после концерта на 7 ноября, где я впервые сыграла на аккордеоне, во мне проснулась гордость. Почему это я не могу лучше учиться? Я стала стараться. Но вот что удивительно: Елена Павловна записала меня в вечные середняки, и пятёрки ставить не спешила. Помню, я решила пример по арифметике, решила его правильно, но почему-то он был подчёркнут красными чернилами как неправильный. Я по пальцам несколько раз пересчитала, показала тетрадку отцу. Он долго молчал. Потом они с мамой разговаривали в полголоса на кухне.

Мои родители были малограмотные: мама 4 класса образования, а папа 5 классов. Но они были способные люди. Всегда оба читали газеты, книги, журналы. Отец был секретарём партячейки, председателем поссовета.

Отношение родителей к профессии учителя было очень уважительное. Поэтому «козлом отпущения» стал ребёнком. Со мной в очередной раз поговорили и убедили смириться несправедливостью. Мне было очень обидно. Затаив обиду в душе, я ещё больше стала стараться и, наконец, получила настоящую пятёрку.

Помню, однажды зимой на уроке я захотела в туалет. Подняла руку, которую заметили далеко не сразу, и в моей просьбе было отказано. «Скоро звонок», - сквозь зубы пояснил «любимый» учитель. Я терпеливо стала ждать учитель. Я терпеливо стала ждать звонка. А надо сказать, что в классе был жуткий холод, замерзали чернила в чернильнице. Стыли руки и ноги.

Огромная железная печка-буржуйка только дымила. Я ещё раз подняла руку, но её не заметила.

Когда под моей партой, где я сидела, обнаружилась лужица, учительница, как в насмешку, сказала: «Иди к печке, погрейся».

Домой мокрая я шла по морозу, глотая слёзы и скрывая от всех свой позор.

Дома я ничего не сказала родителям. Спрятала мокрую одежду в грязном белье, и мама ничего не заметила.

То, что не пожаловалась отцу и матери, «Лена Пална» оценила. Она даже перестала придираться ко мне.

О случившемся тогда я рассказала маме перед самой её смертью. Она заплакала: «Что ж ты, доченька, молчала, я б её пристыдила перед родителями на собрании». «Да она бы меня за это со свету сжила, и так-то я мучилась, а не училась», - ответила я маме. «А знаешь, дочка, она на последнем родительском собрании, когда ты закончила четвёртый класс, очень хвалила тебя и хорошую характеристику дала», - заулыбалась мама, вспоминая. «Да, и ни одной пятёрки не поставила. Я ведь в старших классах хорошо училась. Бог с ней, меня такая «война» закалила, приучила к упорству, к труду. Ведь учёба это большой труд».

ПОДРУЖКИН «ПОДАРОК»

У моей подружки Валентины были замечательные косы, русые, густые и длинные. Но вот незадача: в них постоянно плодились вши, поэтому мне мама строго наказывала: «Смотри, не подхвати от Валентины вшей». Не сказать, чтобы мама Валентины, тётя Аня, не выводила их, но почему-то ничего не помогало.

Скоро нас с подружкой ожидала разлука: я уезжала в Южно-Сахалинск учиться в музыкальной школе, куда меня летом приняли. А проживание моё было у Чернецких, у своей первой учительницы музыки, Лидии Ивановны. Она купила времянку, крохотный домик на окраине города с участком, куда хотела перевести свой дом из нашего посёлка. Мой отец с рабочими разобрали дом, погрузили размеченные брёвна в товарный размеченные брёвна в товарный открытый вагон и перевезли его в город. С железнодорожной станции брёвна доставили на участок. Отец так расстарался в ответ на согласие, чтобы я у Чернецких пожила зиму, пока мои родители тоже переедут в город. В музыкальной школе приём уже закончился, комиссия собралась по просьбе отца. В комиссии было три человека – директор школы, которая преподавала скрипку, преподаватель по баяну Андропов Александр Михайлович и педагог сольфеджио. Меня попросили спеть. Я спела мою любимую «Наш паровоз, вперёд лети». Второй куплет слушать не стали, хотя сказали: «Хорошо, молодец!» Затем стали проверять слух и ритм. Играли много голосов одновременно, и я их

пела. Предложили учиться на скрипке. Я же хотела играть на аккордеоне. Класа аккордеона в школе не было, поэтому я попросилась на баян. Я с усердием училась в городской школе, без троек. С ещё большим удовольствием ходила в музыкальную школу, где получала одни пятёрки. Приду домой и сразу сажусь за баян, играю до тех пор, пока не выучу. Мне никто не мешал, когда я занималась, только Ираида в нетерпении ждала, чтобы пойти вдвоём погулять на улице.

На зимние каникулы я поехала домой, в посёлок. Каникулы пролетели очень быстро. В последний вечер мы с подружкой Валентиной никак не могли расстаться, поэтому мама, глядя на нас, разрешила мне остаться ночевать у Головниных. Мы легли спать с Валюхой в обнимку и всё шептались и тихонько хихикали в темноте.

Утром я уехала в город. Прошла неделя. Как-то сидя на уроке в школе над раскрытой тетрадкой, я почесала голову, и оттуда на тетрадь смачно упала жирная серая вошь. Так вот почему у меня в последнее время так чесалась голова! Я сразу поняла, кто меня наградила таким «подарком». Конечно Валентина! Что же делать? В воскресенье Чернецкие Лидия Ивановна, бабушка и Ираида собрались съездить в центр города, на рынок, просто погулять. Я же категорически отказалась идти с ними. Все, конечно, были этому удивлены, ушли без меня. Отыскав в уголке полочки бабушкин густой гребень и вырвав из тетрадки листок бумаги, я стала чесать над табуреткой свои волосы. Вши так и посыпались градом на листок. Затем я положила этот листок в печку. С ужасом стала ждать хозяев. Наконец, они пришли, румяные с мороза и с кучей покупок. Бабушка сразу взялась растапливать печку, открыла дверцу и обнаружила мой злосчастный листок. Она сразу обо всём догадалась и сурово спросила: «Это ты чесала голову»? я только молча кивнула. Потом честно рассказала про источник насекомых. Бабушка молча принесла из сеней бутылку с керосином. Иногда печка капризничала без применения керосина. На печку было поставлено ведро с водой. Когда вода нагрелась, мне помыли голову, намазали волосы керосином и плотно укутали платком.

Потом бабушка позвала Ироиду и тала искать вшей и у неё. Надо сказать, что Ираида имела превосходные волосы: тёмно-рыжие, густые, закрученные к крутые кудри. У неё также обнаружили вши. Бабушка с сомнением покачала головой: «Боюсь, Ириша, что твою гриву не промочить керосином». Но тоже намазала голову и ей.

Всю ночь я промаялась на своей раскладушке и почти не спала от вони и жжения в голове. Утром, чуть свет, бабушка вымыла мне голову, и толком не досушив волосы, я отправилась в школу. Мне одной процедуры хватило, а вот Ираиду остригли наголо, потому что иначе ничего не помогало. Когда у неё стали отрастать волосы, то тут же завивались колечками, как у негротоски.

Обо всём случившемся я написала домой. Мама, чтобы загладить вину перед Чернецкими, зажарила утку, насобирала яиц и приехала в город в гости. Ираиде утка очень понравилась, пока я обгрызала крылышко, она пол утки умяла.

А Валентина от своих вшей так и не избавилась, видно, у неё была такая голова, да и косы жалко стричь было.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

Был погожий мартовский день. Шёл 1953 год, когда я училась во втором классе. Дети собрались, прозвенел звонок, но нашей Елены Павловны нигде не было. Наконец, он вошла в класс растерянная и заплаканная. «Дети, - дрожащим от волнения и слёз голосом сказала она, - в нашей стране приключилось несчастье, - умер великий Вождь и Учитель Иосиф Виссарионович Сталин». Портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина висели в классе над доской. И тут мы обратили внимание, что вокруг портрета Сталина чёрная лента. «Дети, сегодня уроков не будет, - вялым голосом сказала учительница, - а вечером в клубе будет траурный митинг, с родителями пойдёте в клуб».

Мы собрали книжки и тетрадки в свои тряпичные сумки, надели свою немудрящую одежку и пошли домой. Настроение учительницы передалось и нам. Мы шли, понунив головы, но потом немного развеселились, ведь уроков не было, неожиданное «воскресенье» нас обрадовало. Я пришла домой румяная от лёгкого морозца, напевая под нос. Мама управлялась где-то во дворе. Вкусно пахло едой. Был включен приёмник, передавали печальную музыку. В комнату вошла мама с лукошком. У нас занеслись куры, и в лукошке лежало несколько яиц. Мама удивилась, что я пришла раньше со школы и испугалась: «Тебя что с урока выгнали?». Тут открылась дверь, и вошёл отец. Рабочих тоже отпустили домой. Отец работал на лесоучастке. Родители обнялись посреди кухни. «Что теперь будет?» - спросила мама отца и вытерла фартуком глаза. «Ничего, мать, может, народ вздохнёт, наконец», - ответил негромко отец.

Я сколько помню себя, мы никак не могли выбраться из нужды. Когда жили на Украине в селе Синичено, работали за «палочки» - трудодни. За всю живность, что была в хозяйстве, народ платил налог молоком, шкурами, яйцами, фруктами. Даже паспорта родителей, папин партийный билет хранились в правлении колхоза. Каким-то чудом, а вернее обманом, отцу удалось забрать документы и завербоваться на Сахалине. Сколько помню, мама по копейке копила деньги. В посёлке Кошевой родители приобрели корову, немецкую швейную машинку (мама умела шить), а это дополнительная прибыль. На лесоповале отец неплохо зарабатывал. Так мы сумели насобирать денег, съездить в отпуск и купить в Москве для меня аккордеон. Но это было позже смерти Сталина.

В «ежовщину» мамин брат, дядя Вася ни за что сидел в тюрьме. После выхода из тюрьмы он добрался до самого Калинина, беседовал с ним и был реабилитирован. Потом он воевал на Ханкинголе, возил снаряды на фронт в Отечественную войну. Был хороший человек. У отца в 30-е годы семья умерла с голоду, и только отец, ещё юноша, работал на шахте, собирал сухари для своей семьи, так только они выжили.

Почтальон принёс газету. На первой странице был огромный портрет Сталина. На обратной стороне портрета была чистая бумага. Вспоминая слова отца, которые он сказал маме о грядущих лучших днях, я желая как-то выразить своё негативное отношение к вождю, решила испортить его портрет. Не помню, что я там написала и нарисовала, но отец меня за эти «художества» отругал, газету отправил в печь.

Вечером всей семьёй мы пошли в клуб на траурный митинг. В клубе посреди сцены стоял стол, на котором приёмник играл траурную музыку. Было много народу. Все плакали. Выступающие говорили о заслугах Сталина. Чувствовалась растерянность людей. Главное, народ не знал, что будет дальше, как будто конец света. Отец надеялся на партию, на коммунистов.

МАМА ЗАБОЛЕЛА

С некоторых пор родители стали говорить, что у меня будет маленький братик или сестрёнка. Мама стала плохо себя чувствовать, потеряла аппетит.

Однажды мы были вдвоём в комнате: мама шила кому-то платье, а я играла с лоскутками: мастерила себе тряпичную куклу. Вдруг маме стало плохо, она упала со стула прямо на пол. Я к ней подбежала, а у неё лицо стало совершенно белое. Я закричала: «Мама, что с тобой?» Она прошептала: «Беги в медпункт». Мне было страшно оставлять её одну, но выбора не было. И я помчалась что есть духу к медсестре, нашему единственному лекарю. Медпункт был на замке. Что делать? Я побежала в контору и с порога закричала: «Маме плохо!» начальник быстро среагировал, куда-то позвонил, а я побежала домой, к маме. По дороге меня обогнала машина-грузовик, возле нашего дома остановилась, выскочил из кабины папа, вбежал в дом.

Пока я подбежала, папа вышел с мамой на руках, машина тронулась, и они уехали на станцию, к поезду. На соседней станции был военный госпиталь, маму отвезли туда: ей нужна была срочная операция, так как началось кровотечение.

В доме было тихо и пусто. На ножной швейной машинке лежало не подшитое платье. Мне стало одиноко и тоскливо, я разулась, легла на свой диванчик и заплакала. Потом я заснула. Отец вернулся один уже к вечеру. Подоил корову, процедил молоко через марлю и нашли мне в кружку. Я любила парное молоко. В доме было прохладно, ранней весной ещё довольно студено. Папа накормил всё хозяйство (корову, гусей, поросёнка), затопил

печку, наварил картошки. Мы поели её с солёной рыбой. Отец закурил и стал со мной разговаривать: «Доченька, мама в больнице, ты ещё маленькая, а я целый день на работе. Будешь ходить обедать к соседке Митрофановне. Она и за хозяйством присмотрит. Я стала возражать. Эту Митрофановну я терпеть не могла: такая была вредная и злая тётка. Но отец настоял на своём, и мы легли спать. Утром отец подоил корову, стали подходить люди с банками за молоком, но он им всем отказал, потому что нет времени, нужно рано на работу.

Перед уходом папа ещё раз сказал, чтобы я обедала у Митрофановны. В обед, вернее, когда захотелось есть, я подошла к калитке соседки. Она жила одна, детей и мужа у неё не было.

По всему было видно, что она рада нашей беде. Пока я ела суп, тётка несколько раз мне сказала, что мама умрёт, и мамой будет для меня она. Митрофановна хозяйничала не только во дворе, но и дома все углы обнюхала. Когда вечером папа пришёл с работы, я ему всё рассказала. Он посмеялся над идеей тётки, что она будет моей мамой, и разозлился на её прогнозы о смерти мамы. Поэтому, когда Митрофановна пришла, он ей категорически сказал, что не стоит беспокоиться. На краю улицы жили семейство Гавриловых, у них было четверо детей. Тётя Тася сразу согласилась на просьбу отца помочь в беде. Я у них только обедала, а завтракала и ужинала дома с отцом. Дом целый день был на замке, папа стал не доверять соседке. Папе особо варить было некогда, поэтому он приспособился кормить меня сметаной. Поснимает верхки с кислого молока, меня покормит, а из этого молока творогу наделает, за воскресенье продаст. Одно воскресенье папа потратил на поездку к маме, приехал весёлый, сказал, что операцию маме сделали удачно, она уже поправляется и даже садится на кровати. Вскоре маму выписали из госпиталя, папа привёз её слабую и бледную. Я не видела, как они приехали, бегала на улице, а когда зашла в дом, то остановилась на пороге.

Мама лежала на кровати. Её руки были вытянуты вдоль туловища, высокие белые подушки подчёркивали её бледность. «Доченька, что ты дичишься, не узнала маму? Да ты у нас молодец! Саша, чем ты её кормил? Вон, какие щёчки пухлые, да румяные. Иди ко мне доченька, дай, я тебя поцелую». Я несмело подошла к кровати, осторожно обняла маму. «Ничего, дочка, не пугайся, - сказал отец, - зарежем поросёнка, будем маму откармливать. Врач приписал пить горячее кипячёное молоко с нутряным салом, чтобы лучше швы заживали». Отец наварил вкусного борща, и мы с ним вдвоём кормили нашу маму. Папа кормил, а я приговаривала, ешь, ешь.

Отец зарезал свинью, наделал колбас, кендوخ (желудок с мясом, салом и кровью), насолил сала, натопил нутряного жира и поил маму молоком с этим жиром. Вскоре мама стала заплетать косы, а они у неё были роскошные, длинные и толстые. Мы с папой радовались, глядя, как она поправляется наша мама. Только однажды она мне сказала: «Доченька, не будет у тебя ни брата, ни сестрёнки, не обижайся, детка, на меня».

Редакционная коллегия:

Ответственный за выпуск – Н.И. Федоренко

Корректор – Л.А. Голушко

Художественное оформление – О.Н. Дарьина

Тираж – 10 экз.